

изъ котораго былъ кн. Андрей, того же воспитанія (къ счастью Россіи, скажемъ мы,—не *такого*) и нравственныхъ привычекъ, то Болконскій скоро бы нашель (еще бы: рыбакъ рыбака видить издалека!) его слабыя, *не геройскія* стороны, но теперь этотъ странный для него складъ его ума тѣмъ больше внушалъ ему уваженія, что онъ не понималъ его...» Да и не могъ понять; другое дѣло—понять бѣольшую или меньшую степень уклоненія отъ истинной комильфотности, по наукѣ Иртеньева,—или, послѣ возвышенныхъ мыслей, не стыдиться произносить слѣдующія циническія рѣчи:

— Ну, вотъ ты хочешь освободить крестьянъ, говорилъ онъ Пьеру:—это очень хорошо; но не для тебя (ты, я думаю, никого не застѣкалъ и не посылалъ въ Сибирь), и еще меньше для крестьянъ. Ежели ихъ бьютъ, сѣкутъ, посылаютъ въ Сибирь, то я думаю, что имъ отъ этого нисколько не хуже. Въ Сибири ведетъ онъ ту же свою скотскую жизнь, а рубцы на тѣлѣ заживутъ, и онъ также счастливъ, какъ и былъ прежде и т. д..»

Эстетичность и призрачность красивыхъ цѣлей жизни, настроенныхъ для себя кн. Андреемъ, не замедлила обнаружиться при «бѣломъ свѣтѣ дня—ясной мысли его о смерти»*)... «Теперь, говоритъ онъ, я увидѣлъ вдругъ безъ стекла, при яркомъ дневномъ свѣтѣ,—эти дурно намалеванныя картины. Да, да, вотъ они, тѣ волновавшіе и восхитавшіе и мучившіе меня ложные образы, говорилъ онъ себѣ, перебирая въ воспоминаніи главныя картины своего волшебнаго фонаря жизни, глядя на нихъ при этомъ холодномъ

*) Замѣчательно, что почти всѣ изъ героевъ и героинь гр. Толстого обнаруживаютъ ту же склонность—начать жизнь этическую лишь послѣ личнаго несчастія, недостигнутыхъ цѣлей жизни эстетической. Мы уже видѣли это на разобраиныхъ герояхъ. То же повторяется въ «Аннѣ Карениной» и на Кити Щербацкой, подругѣ ея Варенькѣ, на самой Аннѣ Карениной и даже на Вронскомъ.